

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ЦАРСКОСЕЛЬСКИХ СТИХАХ
АННЫ АХМАТОВОЙ

(два эпитафия из Пушкина)

Эпитафия — особое и существенное свойство поэтики Ахматовой. Стихи и поэмы, стихотворные циклы, сборники Ахматовой имеют эпитафии, определить смысл которых означало бы почти то же, что постичь глубину и сложность всего поэтического текста.

Ахматова обычно избирает эпитафии однострочные, открытые, прерванные многоточием. Они рассчитаны как будто на то, что поэт достаточно лишь напомнить, напомнить поэтическую атмосферу известного текста — чтобы вспомнился весь текст: исполнить один аккорд, чтобы вспомнилась мелодия.

К пушкинским эпитафиям у Ахматовой определено особое предпочтение. Причины этого достаточно ясны, если учитывать, как много значил Пушкин в творческой биографии Ахматовой. Пушкинские строки в эпитафиях многочисленны и применение их многозначно, так что каждый отдельный случай требует самостоятельного изучения. Рассмотрим один из них, кажущийся наиболее простым, случай, когда пушкинская строка в эпитафии взята из стихотворения, тематически близкого или имеющего близкие мотивы. Речь идет о так называемых царскосельских стихах Ахматовой, внешне связанных со стихами Пушкина строкой эпитафия.

Царскосельские мотивы у Ахматовой — тема, которая включает большую часть ее творческого наследия, настолько значительную, что в стихах этого плана можно проследить почти весь круг ее творческих интересов. Известно, как много значило Царское Село в жизни Ахматовой: это детство и юность, встреча с пушкинской музой и начало творчества, это вся жизнь, с постоянными, реальными возвращениями в город Пушкина и частыми воспоминаниями о нем.

Но непосредственно с именем Пушкина связаны лишь некоторые царскосельские стихи Ахматовой. Это ставшие уже классическими «Смуглый отрок»... и «Царскосельская статуя»; через пушкинские эпитафьи непосредственно с Пушкиным связаны стихотворный цикл «Городу Пушкина» (эпитафья «И царскосельские хранительные сени...», из послания «Чаадаеву», 1821) и стихотворение «Ива» (эпитафья «И дряхлый пук дерев...», из стихотворения «Царское село», 1819). По заглавию можно отнести сюда же «Последнее воспоминание о Царском селе»¹ и «Царскосельскую оду».

По времени создания наиболее раннее (из имеющих эпитафьи) стихотворение «Ива». В сборнике 1940 г. «Из шести книг» оно дало название большому циклу стихов, значение и характер которого определены в книге Е. С. Добина². В последующих изданиях этот цикл частично изменен и переименован («Тростник»), но стихи, давшие ему первоначальное название, перепечатываются по-прежнему.

Непосредственно в тексте стихотворения «Ива» царскосельская тема не проявлена:

«А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву,
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат»³.

Однако строка эпитафьи из стихов Пушкина 1819 г. «Царское село» не оставляет сомнений, что стихи царскосельские, что события (насколько возможна событийность в такой лирике) поэтически локализованы.

¹Так назван отрывок из «Поэмы без героя» лишь в одной из редакций, см. статью: Т. В. Цивьян. Заметки к дешифровке «Поэмы без героя». Труды по знаковым системам, ТГУ, Ученые записки, вып. 284, Тарту, 1971, стр. 272.

²Е. С. Добин. Поэзия Анны Ахматовой. Л., 1968, стр. 103—105.

³А. А. Ахматова. Бег времени. М.—Л., 1965, стр. 275. Далее стихи цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Зачин стихотворения характерен для поэтического стиля Ахматовой, для ее разговорного, логического синтаксиса⁴. Но в этих стихах разговорный зачин выражает не только характерную стилистическую особенность. «А я росла...» — первая же фраза напоминает о диалоге, это ответ на стихи Пушкина, из которых взят эпиграф. Героиня сопоставляет свое детство и юность с пушкинскими воспоминаниями о Царском селе:

«...Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени;
На берег озера, на тихий скат холмов!...
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, среди блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей»⁵.

Стихи Ахматовой начаты как непринужденный ответ на признание собеседника, а классическая строка эпиграфа, архаически звучащая, по стилю контрастна, она уводит в XIX век, создает отдаленность фона, как в живописи — отдаленные очертания пейзажа на заднем плане: «И дряхлый пук дерев...». У Пушкина стихи говорят о части прекрасного мира, гармонического рая, каким казались ему в воспоминании лицейские сады. И логически пушкинское воспоминание может быть связано с психологической драмой, развернутой в стихах «Ива», только на основе контраста. У Ахматовой подчеркнута дисгармония: ива — классический образ печали, страдания, одиночества. У этого образа установившаяся эмоциональная и смысловая нагрузка и в традиции фольклорной (песенная символика), и, как вторичное, в традиции литературной (песня Офелии). Здесь же ива, одухотворенная, стала частью жизни героини, сравнением «как будто умер брат» она предельно приближена к человеческой судьбе, ее утрата — одна из самых тяжелых потерь. Близкая связь

⁴Б. М. Эйхенбаум. Анна Ахматова. Опыт анализа. В кн.: О поэзии. Л., 1969, стр. 93—94; В. М. Жирмунский. К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой. Вопросы теории литературы, Academia, 1928, стр. 332—336.

⁵А. С. Пушкин. Полное собрание соч. в 10 тт., АН СССР. М., 1962—1965, т. 1, стр. 371. Далее стихи Пушкина цитируются по этому изданию, в скобках указаны том и страница.

окружающего живого мира с человеческой судьбой осознается в поэзии Ахматовой как-то очень прямо, вне иносказания, почти как реальная жизненная связь (ср. «иссохшая черная рука» шереметевского клена в «Поэме без героя»).

Общий художественный ключ, объединивший здесь стихи Пушкина и Ахматовой — форма воспоминания. У Пушкина воспоминание — «хранитель милых чувств и прошлых наслаждений», стихи свободно льющиеся, просветленные; у Ахматовой воспоминание сопряжено с личной драмой в настоящем:

«И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами...».

Контрастность архаической, величавой и все же отвлеченной пушкинской строки кажется очевидной. Но одновременно нельзя не заметить, что Ахматова включает строку Пушкина «И дряхлый пук дерев» не для контраста только, а и соглашаясь с ней, признавая первенство и вечность пушкинского царскосельского пейзажа. Подчеркивается, что у Пушкина — эталон, та гармония, о которой следует помнить и напоминать. А художественная логика своих стихов ведет поэта к дисгармонии, драматическому, интимному решению темы, где очень многое недосказано.

Драматизм «Ивы» воспринимается острее и торжественнее на фоне пушкинского эпиграфа. «Ива» Ахматовой через эпиграф стала родственна тому пушкинскому пейзажу, о котором напомнил эпиграф, она приобрела черты архаически торжественные, библейские. Ива, ее судьба и таинственный смысл этой судьбы на фоне пушкинского полустийшия «И дряхлый пук дерев...» приобрели более широкое, общечеловеческое значение, стихи Ахматовой в каком-то отношении стали однозначными с пушкинскими стихами.

В какой степени они близки или даже однозначны и на какой основе возможно установить их близость — на эти вопросы могли бы ответить другие стихи Ахматовой, имеющие близкие поэтические мотивы, а также те стихи Пушкина, к которым обращается Ахматова в связи с этими мотивами.

Пушкинские стихи о Царском селе многообразны по характеру мысли, по оттенкам настроения, но почти всегда это стихи-воспоминания. Пушкинское воспоминание о Царском селе — каждый раз новая страница жизни, со своим поэтическим ключом, не зависящим от других его стихов.

Когда же Ахматова обращается к воспоминанию, то само воспоминание, память становятся у нее ведущей темой. По определению Е. С. Добина, память в поэзии Ахматовой — «некая обобщенная категория», «стихийно творящая сторона духа»⁶. Память в поэзии Ахматовой соединяет самые отдаленные, внешне не связанные куски лирической биографии. Связующим звеном может быть общий образ, напоминающий об известном эпизоде, намеченный осторожно и не рассчитанный на мгновенное угадывание. Благодаря этому, стихи, формально не объединенные в циклы, как бы циклизуются, потому что они связаны тематическим и образным единством.

В случае, который здесь рассматривается, связь между событиями и вещами в стихах Ахматовой обнаруживается через упоминание ивы. Словно в ответ на стихотворение «Ива» (на строку «как будто умер брат») появились строки в отрывке из пьесы «Пролог» («Пролог, или Сон во сне» — назывался этот отрывок в журнальной публикации, 1963). Это стихи, включенные в драматический, эмоционально напряженный диалог:

«Говорит он:
Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя своею песней...» (398).
В цикле «Разрыв» (1940—1944):
«И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей»... (277).

Ива в этой серии стихов стала необходимым участником в драматически развитом эпизоде лирической биографии. Возможно, это несколько эпизодов, или один, повторенный с разными вариациями, с новыми оттенками. Но везде повторение одного мотива, толчком к рождению которого могла быть пушкинская строка, поставленная в эпиграф к стихотворению «Ива». И если так, то этот лирический образ уже с самого начала имеет пушкинскую окраску, он приподнят над бытом и каждый раз ведет за собой один и тот же лейтмотив, как обязательный признак — воспоминание: с ивой связывается какое-то очень значительное для лирического героя воспоминание. Пушкинский стих здесь как бы первотолчок для развития темы. Потом тема ивы усложняется, героиня уходит в себя. Пушкинская строка остается в стороне, а раз-

⁶Е. С. Д о б и н. Поэзия Анны Ахматовой. Л., 1968, стр. 181.

витый поэтический мотив, индивидуальный, личный и ставший очень конкретным (ива — свидетель счастья, а потом разрыва, знак печали, утраты, несчастья, живет самостоятельно, независимо от пушкинских стихов. В более ранних стихах этот мотив уже был, хотя и несколько иной:

«Ива на небе пустом распластала.
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой» (19).

При внешнем сходстве мотива здесь, скорее, сосуществуют два параллельных сообщения, и связь между событиями внутренней жизни и внешним миром не может быть выражена более прямо, чем сказано в стихах.

Но этот столь сложно и индивидуально развитый образ не только косвенно, а иногда прямо связан с царскосельскими пушкинскими стихами. У Пушкина существуют известные строки:

«Здесь, вижу, с топодем сплелась младая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод»...

(Воспоминания в Царском селе, 1814; лицейская редакция, I, 455).

В стихах Ахматовой 1944 г. читаем:

«У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод...» (369).

Пушкинская реминисценция бесспорна: можно подумать, что поэты об одной и той же иве пишут. При этом Ахматова подчеркнута мотивирует свое право так прямо откликаться на пушкинские строки:

«...Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.
Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть»... (369).

Но, в отличие от пушкинских лицейских строк, чисто пейзажных, в некотором отношении декоративных, у Ахматовой скорбь и просветленная печаль нераздельно слились в стихах, где ива — один из утонченных признаков сложного состояния внутренней жизни:

«Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод,
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.
Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть,
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть» (369).

Ива и на этот раз воплощает память о прошлом, она — прошлое, одухотворенное, скорбное, возвышенное.

Неизменно повторяется один и тот же эпитет почти во всех случаях: ива — серебряная, как постоянный эпитет, прикрепленный автором признак (это, очевидно, и один из любимых эпитетов у Ахматовой: голос серебряный, плач серебряный). Когда же в стихотворении из цикла «Городу Пушкина» возникла строка «этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли...», то уже в следующей строке серебряная ива оживает снова: «...чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ...».

Цикл «Городу Пушкина» — новое и, может быть, наиболее убедительное доказательство родства пушкинских царскосельских поэтических картин с повторяющимся и драматически окрашенным образом ивы в стихах Ахматовой. Он состоит из двух стихотворений с эпиграфом: «И царскосельские хранительные сени... Пушкин». Это цикл, единый по мысли, единый композиционно, внутренние связи между частями цикла убедительны и прочны, что характерно для лирических циклов Ахматовой. При этом каждая часть отличается законченностью и самостоятельностью. В. М. Жирмунский определяет лирический цикл Ахматовой как «своеобразную новую структурную форму большого масштаба», где «...перекличка между стихотворениями по содержанию и общность колорита создают более обширное единство»⁷. Два стихотворения цикла «Городу Пушкина» не только взаимно дополняют друг друга, но находятся в диалектическом соотношении, и потому частично и противостоят друг другу.

Первое стихотворение цикла:

«О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!...
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...» (415).

⁷В. М. Жирмунский. О творчестве А. Ахматовой. «Новый мир», 1969, № 6, стр. 248.

Первое впечатление — крик боли, отчаяние, горе этой минуты — сменяется затем воспоминанием о прошлом. Все стихотворение, как мгновенный отклик на несчастье, перечисляет нахлынувшие воспоминания в нервном, напряженном движении строк (две рифмы на 7 стихов), а в конце фигура умолчания, глубокая по смыслу незаконченность последней строки, так что эмоциональное напряжение не спадает. При внутренней законченности стихов тема как бы не получила разрешения.

Каждое явление, возникшее в памяти, каждый эпизод окрашены здесь временем, поток воспоминаний, насколько возможно, распределен во времени, так что время в этих стихах — некая определяющая реальность: был фонтан... заря была... парка древнего... в апреле.... Прошлое сурово, жестким контрастом соотнесено с настоящим; прошлое, неповторимо личное, бывшее счастьем, убито настоящим. В. В. Виноградов писал об «игре времен» в лирике Ахматовой: в этих же стихах сама «игра времен» превращена в жесткую драму.

Дополнительные и очень важные оттенки поэтической мысли вносит эпиграф. Горе утраты невосполнимо ничем прежде всего потому, что сожженный город — это и пушкинские «хранительные сени». Снова строка с архаической лексикой, возвышающей и уводящей в глубину времени, как бы отдаляющей мысль и слово. В словах «они тебя сожгли...» содержится глубокое страдание за оскорбление святыни, отечества поэзии, за оскорбление царства муз. Через эпиграф тема уже в первом стихотворении цикла выходит за узко личные границы.

Второе стихотворение цикла:

«Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ,
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравино звучат.
Полстолетья прошло. Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов» (415—416).

Сдержанно, сурово и мудро стихи отвечают на безысходный плач первой части цикла, тема первого стихотворения получила разрешение. Два классических катрена с традици-

онной рифмовкой, пятистопный анапест — стихи спокойные, величавые, итоговые.

Время, его губительное, разрушающее движение, теперь как бы утрачивает свое значение. Время присутствует лишь в цифровых, количественных определениях: в девятнадцатом веке... полстолетия прошло... Самое главное для поэта, стихи, «строчка стиха», поставлены вне времени. В первом стихотворении цикла время и люди все разрушили, во втором разрушительная сила времени преодолевается и утверждена вечность, вневременность поэзии.

В цикле «Городу Пушкина» глубоко решена одна из магистральных тем творчества Ахматовой о «долговечности царственного слова».

Время оказалось бессильным и перед стойкостью сильного человека, сумевшего принять и вынести «дивную судьбу»:

«...Щедра взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов,
И туда не вернусь!».

«Беспамятство дней» — это понятие, не имеющее здесь временной окраски, это огромное напряжение страдающей и гордой души, дар «дивной судьбы». И время как бы перестало существовать по велению «дивной судьбы». В мире вещном, предметном, временном, право на бессмертие получили только «очертанья живые... царскосельских садов» и строчка стиха. Царскосельские сады Ахматовой, их «очертанья живые», и пушкинские «царскосельские хранительные сени» слились воедино; исчезло горестное противоречие между эпиграфом и содержанием первой части цикла («Они тебя сожгли...» — «хранительные сени...»). Исчезло противоречие между поэтическим воспоминанием и реальностью настоящего, вернее, оно перестало быть таким кричащим, непримиримым⁸.

В этих стихах получила завершение и прошла своеобразное трагическое очищение и личная тема, параллельно которой идет образ серебряной ивы. Известен очень характерный мотив в поэзии Ахматовой, когда страдающая героиня находит выход в обращении к Музе:

⁸Второе стихотворение цикла «Городу Пушкина» особо выделено Е. С. Добинным при характеристике категории памяти в лирике Ахматовой. См.: Е. С. Добин. *Поэзия Анны Ахматовой*. Л., 1968, стр. 188.

«А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз...»
(«Пусть голоса органа снова грянут...» 234).
«Я-то вольная. Все мне забава, —
Ночью Муза слетит утешать...»
(«Кое-как удалось разлучиться...» 233).

Листы серебряной ивы и одичалые розы, бывшие «спутниками» драматических событий в лирике Ахматовой (наряду с многими другими повторяющимися образами, идущими в ее стихах параллельно событиям), теперь разрушены, как все временное. Они переплавились в строчку стиха, и об этом таинстве говорят строки второй части цикла. Но мы знаем строки Пушкина об иве и стихи Ахматовой «Ива», знаем о существовании лирического цикла Ахматовой «Шиповник цветет». Метафордоза, о которой говорит Ахматова, как бы реализуется: «одичалые розы пурпурным шиповником стали...»; «ивы листы... увяли, Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ...». Такие стихи служат наиболее простым, естественным доказательством постоянно новой мысли о вечности слова.

Ива — образ, необычайно активный в судьбе героини Ахматовой. Она была «свидетелем», точным пейзажным фоном («...Ива на небе пустом распластала Веер сквозной...»), своеобразным участником драмы («...И ворвалась серебряная ива Седым великолепием ветвей...»), близким другом («...и я молчу... как будто умер брат;» «...Будь родной сестрой заречных ив...»). Ива почти всегда была торжественным и скорбным воспоминанием («...У берега серебряная ива касается сентябрьских ярких вод...»). В стихах второй части цикла «Городу Пушкина» произошло своеобразное прощание с ивой Царского села, свидетельницей утрат и счастья. Прощание и с ивой пушкинской, потому что у Ахматовой ива, настойчиво повторяющийся образ, косвенно, через эпитафьи, а иногда и прямо, в явной переключке строк, идет от Пушкина, от его царкосельских стихов, хотя, разумеется, это не прямое заимствование.

В цикле «Городу Пушкина» произошло и возрождение царкосельских садов, «дерев» царкосельских в строке Ахматовой, и, через эпитафьи, ахматовская ива включена и в пушкинские строки: «И дряхлый пук дерев...», «И царкосельские хранительные сени...». В то же время и пушкинские строки стали (в роли эпитафьи) несколько иными, более конкретными и более ахматовскими, они окрашены драматизмом

стихов Ахматовой, драматизмом лирического образа ивы. Благодаря психологической сложности стихов Ахматовой, строки Пушкина как бы приближены к читателю и своеобразно осовременены. И когда Ахматова говорит о возрождении ивы в строчке стиха, она, в первую очередь, имеет в виду пушкинскую строчку стиха.

Цикл «Городу Пушкина» — прощание с царскосельским прошлым («И туда не вернусь!...»). Стихами этого цикла завершена в творчестве Ахматовой лирическая тема, связанная с многочисленными «возвращениями» в Царское село. «Царскосельская идиллия» в «Поэме без героя» еще может быть связана с пушкинскими мотивами в ее творчестве⁹, но «Царскосельская ода» — произведение сатирическое, «отходная» своей эпохе. Само название «ода» здесь, по определению Е. С. Добиная, звучит издевательски. Царское село становится объектом беспощадного суда, такого же сильного, какому подвергнута целая эпоха в «Поэме без героя».

Рассматривая пушкинские эпитафии в стихах Ахматовой, необходимо учитывать, как часто встречаются у Ахматовой цитаты и автоцитаты, и какое большое значение они имеют. Примером может служить история ее поэтической взаимосвязи с творчеством А. Блока, раскрытая В. М. Жирмунским¹⁰. Когда же речь идет о пушкинских строках в творчестве Ахматовой, о реминисценциях из Пушкина, то их необходимость и естественность так очевидны, что любое их истолкование в конечном счете кажется маловажным, а лучшим объяснением возникающих при этом вопросов может стать ахматовское афористичное, остроумное замечание в стихах:

«Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама
Одна великолепная цитата»¹¹.

⁹Т. В. Цивьян находит в ней пушкинские реминисценции по заглавию в одной из публикаций — «Последнее воспоминание о Царском селе» — и упоминанию девяти муз (Заметки к дешифровке «Поэмы без героя». Труды по знаковым системам, ТГУ, Ученые записки, вып. 284, Тарту, 1971, стр. 272).

¹⁰В. М. Жирмунский. Анна Ахматова и Александр Блок, «Русская литература», 1970, № 3.

¹¹«Юность», 1969, № 6, стр. 67 (публикация В. М. Жирмунского).

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

г. Псков, 1973